

Владимир МАЗАЕВ

КРУТИЗНА

■ П О В Е С Т И
и
Р А С С К А З Ы ■

Кемерово «Кузбасс»
2003

...Уездный Кузнецк, важный некогда форпост в оборонной линии южной Сибири, слыл уже захолустьем, дремотной Азией, когда в него занесло «унтера» Сибирского штрафбата Фёдора Достоевского, вчерашнего каторжника.

Занесло же его туда «грозное чувство» к молодой женщине, белокурой красавице Марии Исаевой. И «занесло» как нельзя вовремя.

Позднее он признается безжалостно в письме к другу: «Я увидел её! Что за благородная, что за ангельская душа. Она плакала, целовала мои руки, но она любит другого... Я провёл не знаю какие два дня, это было блаженство и мучение нестерпимые!.. Её сердце опять обратилось ко мне. Она мне сказала: «Не плачь, не грусти, не всё ещё решено; ты и я и больше никто! Я уехал с полной надеждой... Письмо за письмом, и опять я вижу, что она тоскует, плачет и опять любит его более меня!..»

Но вот наконец-то (наконец-то!) всё позади. И ненавистный мундир штрафника с красными погонами и красным тугим воротником. И унизительное (при его-то феноменальной мнительности!) соперничество с «мальчишкой», учителем приходской школы Вергуновым. И победа над ним! И мучительные поиски денег на свадьбу. И «пышное», многолюдное венчание в Одигитриевской белокаменной церкви, где «шафером по жениху» был не кто иной, как сам «соперник», учитель Вергунов (невероятно, необъяснимо, но факт). И долгожданный, поистине выстраданный отъезд в Россию.

Когда же, умиротворённый и счастливый, едет он в купленном им тарантасе с дремлющей на его плече женщиной, женой – шепча: «Великодушная моя! Нежданная моя освободительница!» – он, могучий знаток человеческой души и прорицатель (недавно ещё утверждавший, что у женщин чувство берёт верх даже над очевидностью

ка! Ты не человек – дьявол...

Прижав к вдруг зарозовевшим губам платок, она повалилась на подушки.

А его, задохнувшегося от горловых спазм, обожгло страшным ощущением – он снова на Семёновском плацу, на эшафоте, привязан к столбу, в глазах чёрная, могильная духота савана, и щелчки в морозном воздухе взводимых ружей отщёлкивают ему его последнюю предсмертную минуту...

В своей книге воспоминаний об отце дочь Достоевского пишет: «С растерзанной душой он слушал безумную исповедь жены... Он был охвачен ужасом перед Марьей Дмитриевной, покинул её и бежал в Петербург, где искал утешения у брата Михаила... Ему было сорок лет, и он ещё не был любим...».

И тут припоминается – и совсем некстати! – что в это самое время у него полыхает эмоциональнейший, на грани фола, роман с юной взбалмошной «нигилистойкой» Полинькой Сусловой, начинающей писательницей, из романтического загранпутешествия с которой он только что вернулся (и которая, к слову, опубликует в своё время книгу «Годы близости с Достоевским»).

Парижское письмо Достоевского затронутой поры – к Варваре Дмитриевне, старшей сестре его жены: «Напишите мне, голубчик, обо всём, что знаете и что услышите о Марье Дмитриевне. Беспокоюсь я ужасно и сердечно об её здоровье. Дай ей Бог лучшего!...».

И следом, уже из Туриня (сентябрь 1863 года), горькое сетование брату Михаилу на то, что в очередной своей встрече с рулеткой он «проигрался весь, совершенно, дотла». На что брат Михаил довольно логично ответил ему: «Как можно играть дотла, путешествуя с тем, кого любишь?» (Хотя мог бы, кажется, позволить себе по-братски съязвить: ...и когда дома больная в чахотке жена...).

Комментировать сие я не в силах, ибо «прильпе язык к гортани моей»...

15 апреля 1864 года Достоевский – Михаилу:

«... Вчера с Марьей Дмитриевной сделался решительный припадок: хлынула горлом кровь и начала заливать грудь и душить... Все мы были около неё. Она со всеми простилась, со всеми примирилась, всем распорядилась... умирает тихо, в полной памяти...»

И в тот же день, вечером:

«Милый брат Миша,

Сейчас, в 7 часов вечера, скончалась Марья Дмитриевна и всем вам приказала долго и счастливо жить (её слова). Помяните её добрым словом. Она столько выстрадала теперь, что и не знаю, кто бы мог не примириться с ней...»